Памяти Карамзина, какъ историка.

(Рѣчь, произнесенная въ соединенномъ засѣдании Ист.-фил. фак. Моск. Унив., Общества Исторіи и Древностей Росс. и Историч. общества, посвященномъ памяти Карамзина, 29 января 1917 г.).

Юбилейная поминка не можетъ ставить себѣ цѣлью вынести окончательный приговоръ надъ тѣмъ, кто служитъ предметомъ воспоминанія, она не можетъ представлять собою и критическаго изслѣдованія. Юбилейная поминка исходитъ изъ желанія отдать себѣ отчетъ въ томъ положительномъ дѣлѣ, которое совершено ушедшимъ въ вѣчность дѣятелемъ, и съ благодарностью помянуть его за то, что онъ сдѣлалъ хорошаго.

Н. М. Карамзинъ, авторъ «Исторіи Государства Россійскаго», который носилъ официальное званіе историографа, но котораго никто не привыкъ называть историкомъ, имѣлъ, какъ историкъ, интересную судьбу. Мало кто изъ изучавшихъ наше прошлое пользовался такою славой, такой широкой популярностью при жизни и мало какое изъ крупныхъ именъ русской исторіографіи послѣ неизбѣжнаго періода споровъ, обсужденій, панегириковъ и нападокъ, такъ поникло, такъ мало интересуетъ, какъ имя Карамзина. Можно сказать болѣе: нѣкоторыя научныя изслѣдованія послѣдняго времени, занимавшіяся Карамзинымъ, какъ историкомъ, содержали въ себѣ попытки окончательно развѣнчать его, доказать его зависимость отъ предшественниковъ и малую степень оригинальности его труда. Карамзинъ обращаетъ на себя вниманіе скорѣе какъ литераторъ и какъ политическій дѣятель ретроградnаго типа, нежели какъ историкъ. Мы склонны представлять себѣ, что «Бѣдная Лиза» имѣетъ больше значенія въ исторіи русской литературы, нежели «Исторія Государства Россійскаго» въ русской исторіографіи, и, разсуждая съ современной точки зрѣнія, мы охотно порицаемъ Карамзина какъ политическаго противника Сперанскаго и автора «Записки о древней и новой Россіи», обычно обходя его главное

произведеніе съ какимъ-то равнодушіемъ, а въ лучшемъ случаѣ повторяя безъ критики давно укоренившееся мнѣніе, что «примѣчанія» имѣютъ гораздо болѣе цѣны и интереса, чѣмъ самый текстъ И. Г. Р. Такъ или почти такъ говорятъ и разсуждаютъ люди, спеціально интересующіеся исторіей родной страны; у людей болѣе широкихъ круговъ, далекихъ отъ особыхъ увлеченій русской исторіей или русской литературой, при имени Карамзина смутно вспоминается что-то сентиментальное, скучное, слащавое и давно забытое.

Когда въ наше время изучаютъ русскую исторіографію XVIII и первой четверти XIX вѣка, интересъ къ Карамзину стоитъ обычно на послѣднемъ мѣстѣ. Вниманіе болѣе привлекаютъ самодовольные ученые нѣмцы, которые, какъ напр. Шлецеръ, отказывали русскимъ даже въ способности написать свою собственную исторію безъ нѣмецкой указки, В. Н. Татищевъ—столь униженный тѣми же нѣмцами, тяжеловѣсный кн. М. М. Щербатовъ, глубокомысленный и остроумный Болтинъ, дѣятельный собиратель историческихъ матеріаловъ Н. И. Новиковъ; далѣе,—развивавшаяся съ начала новаго вѣка дѣятельность по собиранію памятниковъ русской исторіи, связанная съ именемъ канцлера гр. Н. П. Румянцева и его сотрудниковъ и первые шаги Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Среди этого сонма всяческой учености, нерѣдко тяжелой, скучной, угловатой и неискусной, Карамзинъ намъ кажется блестящимъ литераторомъ, который вдругъ дилеттантскимъ налетомъ превратился въ «исторіографа», заручился поддержкой правительства и безъ предварительной подготовки принялся за работу надъ И. Г. Р. Но, думая такъ, мы забываемъ, что и губернаторъ Татищевъ и Щербатовъ, публицистъ и защитникъ дворянскихъ интересовъ въ уложенной комиссіи, и филантропъ и масонъ Новиковъ, и генералъ-маіоръ Болтинъ были такими же импровизированными работниками на нивѣ русской исторіи и что въ то время и не существовало еще спеціальной школы, спеціальной подготовки для будущихъ историковъ, которая съ юныхъ лѣтъ создаетъ и осмысляетъ ихъ ученую физіономію.

А для людей первой четверти XIX вѣка, въ особенности съ 1816 года, когда были «выданы», какъ тогда говорили, первые восемь томовъ «Исторіи Государства Россійскаго», Карамзинъ былъ кумиромъ, а его произведеніе — цѣлымъ откровеніемъ.

Кто правъ, современники ли, ставившіе Карамзина такъ высоко, или потомки, окутавшіе его исторіографическую дѣятельность какимъ-то снисходительнымъ равнодушіемъ?

Мнѣ кажется, отвѣтъ на это будетъ стоять въ зависимости отъ того, какъ понимали и понимаютъ теперь задачи, которыя можетъ и долженъ себѣ ставить историкъ, и отъ того, какъ задачи, поставленныя Карамзинымъ самому себѣ, были имъ выполнены.

Карамзинъ давно, задолго до того времени, когда началась его работа надъ «Исторіей Государства Россійскаго», стремился къ занятіямъ исторіей и въ частности желалъ написать полную и хорошую исторію Россіи. Это видно еще изъ его «Писемъ Русскаго Путешественника». Въ одномъ письмѣ 1790 года изъ Парижа онъ говоритъ: «больно, но должно по справедливости сказать, что у насъ до сего времени нѣтъ хорошей россійской исторіи, т.-е. писанной съ философскимъ умомъ, съ критикой, съ благороднымъ краснорѣчіемъ». Знакомство съ предшествующими опытами въ этой области должно было укрѣплять Карамзина въ той же мысли: мнѣніе, что исторія Щербатова «и скучна и тяжеловата», высказанное еще Екатериной, не могло не быть и мнѣніемъ Карамзина.

Но что Карамзинъ подразумѣвалъ подъ хорошей исторіей? Это видно уже изъ сдѣланнаго имъ краткаго поясненія своей мысли: для этого нуженъ философскій умъ, способный къ широкимъ обобщеніямъ, критика, т.-е. способность установить истинный смыслъ и истинную картину описываемыхъ событій, и благородное краснорѣчіе, образцами котораго являются для Карамзина «Тацитъ, Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ». Русская исторія должна быть написана образованнымъ человѣкомъ; его произведеніе должно быть правдивымъ и художественнымъ. На томъ и на другомъ Карамзинъ настаивалъ, развивая свою основную мысль. «Если мы захотимъ соображать исторію съ пользою народнаго тщеславія, то она утратитъ главное свое достоинство—истину, и будетъ скучнымъ романомъ». Но Карамзинъ—литераторъ-художникъ; онъ пишетъ «Исторію Государства Россійскаго» въ такое время, когда исторія не однимъ имъ, но очень многими разсматривалась не какъ наука, а какъ искусство; онъ почти извиняется въ своемъ предисловіи передъ читателемъ: «знаю, что битвы нашего удѣльнаго междоусобія, гремящія безъ умолку въ пространствѣ пяти вѣковъ, маловажны для разума; что сей предметъ не богатъ ни мыслями для прагматика ни красотами для живописца: но исторія—не романъ и міръ не садъ, гдѣ все должно быть пріятно: она изображаетъ дѣйствительный міръ». Онъ пишетъ «объ Игоряхъ и Всеволодахъ, смотря на нихъ въ тусклое зеркало древней лѣтописи», и если вмѣсто живыхъ, цѣлыхъ образовъ, онъ представляетъ «единственно тѣни, въ отрывкахъ: то не моя вина», говоритъ онъ, «я не могъ дополнять лѣтописи».

«Множество сдѣланныхъ мною примѣчаній и выписокъ устрашаетъ меня самого», пишетъ онъ далѣе въ томъ же предисловіи. «Счастливы древніе; они не вѣдали сего мелочнаго труда, въ коемъ теряется половина времени, скучаетъ умъ, вянетъ воображеніе: тягостная жертва, приносимая достовѣрности, однакожъ необходимая». Стремленіе къ истинѣ необходимо, но «жертва, приносимая достовѣрности», тягостна, потому что забота объ истинѣ можетъ повредить художественности, занимательности исторіи.

Въ помянутомъ уже письмѣ 1790 года изъ Парижа онъ пишетъ: «Говорятъ, что наша исторія сама по себѣ менѣе другихъ занимательна; не думаю; нуженъ только умъ, вкусъ, талантъ. Можно выбрать, одушевить, раскрасить, и читатель удивится какъ изъ Нестора, Никона и проч. могло выйти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманіе не только русскихъ, но и чужестранцевъ. Родословныя князей, ихъ ссоры, междоусобія, набѣги половцовъ не очень любопытны, соглашаюсь, но зачѣмъ наполнять ими цѣлые тома? Что не важно, то сократить, какъ сдѣлалъ Юмъ въ англійской исторіи: но всѣ черты, которыя означаютъ свойство народа русскаго, характеръ нашихъ древнихъ героевъ, отличныхъ людей, происшествія дѣйствительно любопытныя—описать живо, разительно. У насъ былъ свой Карлъ Великій—Владиміръ, свой Людовикъ XI—царь Іоаннъ, свой Кромвель—Годуновъ, и еще такой государь, которому нигдѣ не было подобнаго—Петръ Великій. Время ихъ правленія составляетъ важнѣйшія эпохи въ нашей исторіи и даже въ исторіи человѣчества; его-то надобно предоставить живописи, а прочее можно обрисовать, какъ дѣлалъ свои рисунки Рафаэль или Микель Анджело». Вотъ настоящая завѣтная цѣль историка, какъ рисовалъ ее себѣ Карамзинъ. Съ этими мыслями Карамзинъ и принялся за работу: «въ пять-шесть лѣтъ», пишетъ онъ Муравьеву, «я надѣюсь дойти до Романовыхъ». Въ этотъ короткій срокъ онъ думалъ, опираясь на извѣстные тогда источники, дать краснорѣчивый и блестящій разсказъ о прошломъ государства россійскаго, но работа его затянула; какъ умный и добросовѣстный человѣкъ онъ долженъ былъ болѣе 20 лѣтъ приносить тягостную жертву достовѣрности и умеръ не добравшись до воцаренія Михаила Ѳеодоровича.

Итакъ, стремленіе къ истинѣ и добросовѣстности по необходимости и стремленіе къ художественной занимательности по сердечному влеченію—вотъ два полюса, между которыми развивалась дѣятельность Карамзина, какъ историка. Оба эти стремленія, борьба между ними въ душѣ Карамзина и симпатіи его ясно отразились

въ его произведеніи. Въ знаменитыхъ примѣчаніяхъ къ «Исторіи Государства Россійскаго» отчетливо выразилось желаніе Карамзина писать исторію правдивую, критически провѣрять сообщаемое, устранить все, что могло бы дать поводъ заподозрѣть его добросовѣстность. Въ изящно отдѣланномъ текстѣ, со шлифовкой фразъ, съ безконечными плавными періодами, съ попытками искусственнаго и нѣсколько манернаго оживленія самыхъ сѣрыхъ и мутныхъ извѣстій источниковъ нашла выходъ наиболѣе любезная сердцу Карамзина черта историографической работы—влеченіе къ живости изложенія и художественной занимательности.

Такъ смотрѣлъ Карамзинъ на задачи историческаго писательства, такъ разрѣшилъ онъ ихъ въ своей работѣ.

Шли годы; взгляды на задачи историческихъ трудовъ мѣнялись, мѣнялась манера писать, стиль, изложеніе, но жила и укрѣплялась, и, думается, будетъ жить, пока будутъ писаться историческія изслѣдованія, мысль, что историкъ долженъ быть критиченъ и добросовѣстенъ и что его трудъ долженъ въ мѣрѣ возможности изслѣдовать изучаемыя явленія до конца и возсоздавать прошлое такъ, какъ оно на самомъ дѣлѣ должно было быть. Тѣ произведенія прежней исторіографіи,—когда бы и кѣмъ бы они ни были написаны,—которыя носятъ на себѣ отпечатокъ этой мысли, этого стремленія историка, всегда сохранятъ свою цѣну. Именно такую цѣну имѣютъ Карамзинскія примѣчанія, ибо въ нихъ отражается стремленіе его къ объективной правдѣ, и въ нихъ мы видимъ его большую, тщательную, кропотливую критическую работу. Совсѣмъ иная судьба постигла художественно-занимательный текстъ «Исторіи Государства Россійскаго». Безвозвратно минуло время, когда на исторію смотрѣли какъ на искусство; въ наше время къ исторической работѣ подходятъ съ точки зрѣнія ея научной цѣнности; художественный слогъ, если онъ соединенъ съ внутренними достоинствами работы, несомнѣнно, повышаетъ ея цѣнность; но работа, авторъ которой вздумаетъ только «выбирать, одушевлять, раскрасить», не имѣетъ для насъ цѣны, какъ бы красиво она ни была написана. «Исторія Государства Россійскаго» могла бы сохраниться, какъ образецъ стиля; вліяніе Карамзина на нашъ языкъ было, дѣйствительно, велико, но вліяніе послѣдующихъ корифеевъ нашей словесности, начиная съ Пушкина, дало новые толчки къ развитію русскаго литературнаго языка, и въ настоящее время «Исторія Государства Россійскаго» является для насъ произведеніемъ чуждымъ и съ внутренней стороны, потому что наше прошлое представляется въ ней не такъ, какъ представляемъ себѣ его мы, и съ

внѣшней стороны, потому что языкъ его кажется намъ приподнятымъ и вычурнымъ.

Мы, однако, отвѣтили только на половину поставленнаго вопроса; мы видимъ, почему наши современники цѣнятъ «Исторію Государства Россійскаго» не такъ, какъ современники Карамзина, но мы не выяснили еще, почему современники Карамзина ставили его произведеніе такъ высоко.

Въ 1804 г. другу, почитателю и сотруднику Н. И. Новикова Григорію Максимовичу Походяшину было, наконецъ, разрѣшено распечатать его книжный складъ, гдѣ съ 1792 г. лежало литературное и научное наслѣдіе «Дружескаго ученаго общества», и распродать его путемъ лотереи. Можно было думать, что хорошія и полезныя изданія Новикова найдутъ читателей, но лотерея не имѣла никакого успѣха и книги остались попрежнему на складѣ, пока не погибли, какъ потомъ объяснялъ самъ Походяшинъ, «отъ необыкновеннаго наводненія, бывшаго въ 1807 г., которое лежавшія книги въ лабазахъ воспитательнаго дома, устроенныхъ на берегу Москвы-рѣки, потопило столько, что онъ понесъ отъ онаго убытка болѣе нежели на 200.000 рублей, а упѣлѣвшія книги, частью разорванныя, частью отсырѣлыя, принужденъ былъ продавать пудами». Походяшинъ, все еще тщетно надѣявшійся при помощи продажи книгъ поправить свои разстроенныя финансовыя дѣла, потерялъ теперь и эту тщетную надежду. Едва ли однако наводненіе существенно измѣнило положеніе дѣла; запретъ съ книгъ былъ снятъ еще за 3 года передъ тѣмъ, но книгами не интересовались, и эти изданія, среди которыхъ не мало было относившихся къ русскому прошлому, по всей вѣроятности, такъ и не нашли бы читателей. Въ первыхъ годахъ новаго вѣка управляющій Кремлевской экспедиціей П. С. Валуевъ самовольно, никого не спрашиваясь, разрушалъ подъ предлогомъ чистоты и симметріи лучшія древности Московскаго Кремля въ родѣ Гербовыхъ воротъ, а нѣсколько лѣтъ спустя Московскій генералъ-губернаторъ входилъ въ соглашеніе съ архіереемъ, управлявшимъ Московской митрополіей, для уничтоженія древняго собора Николы Гостунскаго, мѣсто котораго понадобилось подъ плацъ-парадъ. Всѣ эти явленія имѣли одну основную причину: самобытное русское прошлое стиралось изъ памяти, заслонялось переходнымъ XVIII вѣкомъ. Русскаго прошлаго, русской исторіи, русскихъ древностей не знали и въ кругахъ, считавшихъ себя образованными, не хотѣли въ большинствѣ случаевъ знать. Не только тѣ слои русскаго общества, которые разучились говорить по-русски, но даже и такіе люди, которые менѣе отошли отъ русской жизни, искренно

были убѣждены, что «наша исторія сама по себѣ менѣе другихъ занимательна». Интересовавшіеся родной исторіей были исключеніемъ. Да, въ самомъ дѣлѣ, какъ было съ ней знакомиться? гдѣ были тѣ произведенія и руководства, по которымъ любознательный человѣкъ могъ узнать о прошлой жизни своей страны? Единственными опытами связнаго изложенія древней русской исторіи были произведенія Татищева и Щербатова, но устарѣвшій до-ломоносовскій слогъ перваго и не менѣе тяжелый слогъ, которымъ писалъ свой историческій трудъ знаменитый дворянскій публицистъ Екатерининскаго времени, едва ли могли привлечь много читателей особенно въ эпоху самаго сильнаго внѣшняго увлеченія русскаго общества всѣмъ иностраннымъ. «По моему мнѣнію», писалъ П. В. Завадовскій въ 1800 г., «исторія та только пріятна и полезна, которую или философы или политики писали, но еще наши науки и нашъ языкъ не достигнули до того, то лучше пользоваться чужимъ хлѣбомъ, чѣмъ грызть свои сухари». Немного позднѣе въ 1809 г. вотъ что писалъ К. Н. Батюшковъ Гнѣдичу: «Нѣтъ, невозможно читать русской исторіи... Я сто разъ принимался; все напрасно. Она дѣлается интересною только со временъ Петра Великаго. Подивимся такимъ людямъ, которые роются въ этой пыли. Читай римскую, читай греческую исторію,—и сердце чувствуетъ и разумъ находитъ пищу. Читай исторію среднихъ вѣковъ, читай басни, ложь, невѣжество нашихъ праотцевъ, читай набѣги половцевъ, литвы, татаръ и пр. и, если книга не выпадетъ изъ рукъ твоихъ, то я скажу: или ты великій или мелкій человѣкъ. Нѣтъ середины. Великій, ибо видишь, чувствуешь то, чего я не вижу, мелкій, ибо занимаешься пустяками».

И вотъ въ это время, въ 1816 году, когда вниманіе къ скучной русской исторіи, быть можетъ, нѣсколько усилилось послѣ пережитаго великаго кризиса 1812 года, а узнать ее было почти неоткуда, появились изъ печати 8 томовъ «Исторіи Государства Россійскаго», написанные лучшимъ стилистомъ того времени, написанные идеально съ точки зрѣнія требованій русскаго литературнаго языка начала XIX вѣка. Эффектъ событія понятенъ, и мы ясно можемъ себѣ объяснить неожиданный, неслыханный тиражъ изданія: 3.000 экземпляровъ разошлись въ 25 дней и на «Исторію Государства Россійскаго» осталось неудовлетворенныхъ 600 требованій, и все это, не взирая нанеобычайно высокую цѣну,—55 рублей, назначенную за восемь вышедшихъ томовъ.

Появленіе «Исторіи Государства Россійскаго» впервые вызвало пробужденіе настоящаго интереса къ русскому прошлому въ широ-

кихъ слояхъ тогдашняго русскаго общества. Читая изящныя страницы произведенія Карамзина, видѣли, что и наша исторія не менѣе занимательна, чѣмъ всякая другая, что и въ нашемъ прошломъ есть и великія, и славныя, и драматическія страницы. Карамзинъ сталъ «властителемъ думъ».

По словамъ Пушкина «всѣ, даже свѣтскія женщины бросились читать исторію своего отечества, дотолѣ имъ неизвѣстную. Она была для нихъ новымъ открытіемъ. Древняя Русь, казалось, найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ». «Карамзинъ нашъ кутузовъ 12-го года», писалъ кн. П. А. Вяземскій; онъ спасъ Россію отъ нашествія забвенія, воззвалъ ее къ жизни, показалъ намъ, что у насъ отечество есть, какъ многіе узнали о томъ въ 12-омъ годѣ. «Исторію Карамзина, — говорилъ Жуковскій, — можно назвать воскрешеніемъ прошедшихъ вѣковъ нашего народа. По сію пору они были для насъ только мертвыми муміями, и всѣ исторіи русскаго народа, доселѣ извѣстныя, можно назвать только гробами, въ которыхъ мы видѣли лежащими эти безобразныя муміи. Теперь всѣ они оживятся, подымутся, получатъ величественный, привлекательный образъ». Вотъ въ этомъ пробужденіи того, что казалось безобразными муміями, и заключается тайна успѣха Карамзина, какъ историка, тайна вліянія его «Исторіи Государства Россійскаго» на современниковъ.

Я не хочу сказать, что «Исторія Государства Россійскаго» не вызвала критики: будущій декабристъ Н. М. Муравьевъ нападалъ на нее даже очень рѣзко. Мих. Θед. Орловъ въ письмѣ къ Вяземскому пенялъ Карамзину, «зачѣмъ въ началѣ исторіи не помѣстилъ онъ какой-нибудь блестящей ипотезы о происхожденіи славянъ». Нѣсколько вельможныхъ стариковъ, олицетворявшихъ пережитки вольтерьянства XVIII вѣка, укорили Карамзина за слишкомъ большую привязанность къ самодержавію. Кропотливый работникъ надъ русской исторіей Арцыбашевъ въ началѣ 20-хъ годовъ выступилъ въ печати съ замѣчаніями, которыя должны были, по мнѣнію Погодина, вызвать негодованіе «безусловныхъ почитателей» Карамзина. Но отдѣльные голоса тонули въ хвалебномъ хорѣ. Молодой Пушкинъ встрѣтилъ И. Г. Р. злыми эпиграммами, но потомъ сдѣлался ревностнымъ почитателемъ Карамзинской исторіи и въ великой исторической драмѣ, много позднѣе написанной величайшимъ русскимъ геніемъ, видно ясное и несомнѣнное вліяніе Карамзина, какъ историка.

Карамзинъ написалъ витіеватое разсужденіе о любви къ отечеству, хорошо намъ всѣмъ извѣстное. Какъ и всѣ произведенія

Карамзина, оно намъ кажется вычурнымъ и манернымъ, главнымъ образомъ потому, что написано устарѣвшимъ языкомъ, отъ котораго мы давно отвыкли, но мысли Карамзина были искренними и правдивыми какъ и его поступки. По крайней мѣрѣ, вся дѣятельность Карамзина, включая его записку о древней и новой Россіи и другую записку его о русско-польскихъ отношеніяхъ, поданную Александру въ 1819 году, свидѣтельствуютъ, что онъ любитъ свое отечество искренно и глубоко и никогда не боялся высказать то, что онъ думалъ, даже когда имѣлъ основанія предполагать, что его мнѣніе не можетъ встрѣтить особенно благосклоннаго пріема. Думается, однако, что величайшимъ подвигомъ его любви къ отечеству и величайшей заслугой его передъ родиной является все-таки его «Исторія Государства Россійскаго» со всѣми ея недостатками, со всѣми ея малопонятными и не вполнѣ пріемлемыми для насъ чертами. Пускай наше прошлое въ ней изображено не совсѣмъ такъ, какимъ мы его себѣ представляемъ, даже не всегда вполнѣ такъ, какъ сообщаютъ источники. Пускай вѣрна эпиграмма Пушкина и

«Въ его исторіи изящность, простота,
Доказываютъ намъ безъ всякаго пристрастья
Необходимость самовластья
И прелести кнута».

Но именно ему принадлежитъ неоспоримая заслуга пробужденія въ русскомъ обществѣ любви къ русской исторіи. Своей исторіей онъ зажегъ въ своихъ современникахъ яркимъ огнемъ чуть тлѣвшую искру—не любви къ отечеству, потому что въ истинномъ обликѣ своемъ любовь къ отечеству всегда была сильна въ русскихъ людяхъ,—но любви къ прошлому отечества, любви къ его исторіи. Огонь не угасъ; русская исторіографія много сдѣлала и далеко ушла впередъ за истекшія сто лѣтъ, и русскіе историки позднѣйшихъ временъ не могли, не могутъ и теперь жаловаться на то, что ихъ труды чужды русскому обществу и не цѣнятся имъ. Русское общество внимательно относится къ разработкѣ родной исторіи, и потому и оно само и тѣ его члены, которые посвящаютъ свои силы изслѣдованію исторіи нашего народа и нашей страны, имѣютъ полное право съ благодарностью вспомнить того русскаго историка, который впервые пробудилъ въ своихъ многочисленныхъ для того времени читателяхъ интересъ и любовь къ русской исторіи.

Ю. Готье.